

Еп. Михаил (Грибановский)

Речь, произнесенная перед защитой
диссертации на степень магистра
богословия "Опыт уяснения основных
христианских истин естественною
человеческою мыслью

Опубликовано:
Христианское чтение. 1888. № 5-6. С. 727-731.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Рѣчь, произнесенная и. должность инспектора С.-Петербургской духовной академіи, іеромонахомъ Михаиломъ предъ защитою диссертациа 1) на степень магистра богословія 3 апрѣля текущаго года.

Преосвященнѣйшіе Архипастыри

и Милостивые государи!

Православіе, которое мы всѣ исповѣдуемъ, имѣетъ вселенское значеніе и призваніе; мы вѣруемъ, что оно—каеодночно.

Но это—совсѣмъ не та внѣшняя каеодночность, которой гордится римская церковь и по которой она всѣми способами завербовываетъ себѣ послѣдователей на всѣхъ концахъ земнаго шара. По началамъ нашей церкви внѣшняя ея распротраненность должна быть лишь выраженіемъ внутренняго ея роста, проявленіемъ внутренней ея силы, на которые и должно быть главнѣе всего устремлено вниманіе ея членовъ. Вся красота наша должна быть внутри насъ: тогда только она вонистину спасетъ тѣхъ, которые по милости Бога становятся способными: плѣняться ею.

Но наша каеодночность, съ другой стороны, и не такова, къ которой, повидимому, идетъ протестантство и по которой оно внутреннія основы вѣры отдаетъ на произволь отдѣльныхъ лицъ, представляя каждому свободно толковать Христово ученіе, какъ ему угодно, какъ требуетъ его индивидуальная природа, его наличное душевное состояніе и уровень его образованія. Мы твердо держимся

1) Подъ заглавіемъ: Опытъ уясненія основныхъ христіанскихъ истинъ естественной человѣческой мысли. Выпускъ первый. Истина бытія Божія. Спб. 1888 г.

того, что исповѣданіе вѣры никогда не должно принижаться до личныхъ желаній всякаго отдѣльнаго человѣка, никогда не должно видоизмѣняться и искажаться по личному нашему усмотрѣнію. Мы никакъ не можемъ желать такой каеоличности, по которой наше ученіе перетолковывалось бы всей вседенной на всевозможные лады до полной неузнаваемости. Наоборотъ, по началамъ нашей церкви, всякій долженъ самъ доростать до того, самъ приспособляться къ тому, что провозгласила вся церковь, какъ свой догматъ.

Наша каеоличность въ томъ, что исповѣданіе нашей вѣры вполне соответствуетъ тому внутреннему истинному человѣку, который какъ образъ Божій, какъ отпечатокъ неба, таится внутри каждаго, когда бы онъ ни жилъ, гдѣ бы онъ ни находился, какъ бы низко онъ ни палъ, какъ бы мало образованъ онъ ни былъ. Кто возжегъ въ себѣ искру истинной человѣчности, кто живетъ духомъ, волнуется и движется высшими стремленіями и чаяніями сердца, кто рѣшилъ прояснить себѣ весь этотъ свой духовный міръ, для того православное исповѣданіе вѣры будетъ совершенно своимъ, роднымъ, будетъ соответствовать тому, что имъ переживается внутри, будетъ вполне пояснять и осмысливать его. И наоборотъ, кто принялъ православное исповѣданіе и будетъ искренно и самоотверженно стремиться къ тому, чтобы возвыситься до него своимъ разумомъ, своимъ настроеніемъ, всѣмъ порядкомъ своей внутренней и внѣшней жизни, тотъ чрезъ это самое вступитъ на путь истинно-человѣческой жизни, дастъ возможность разцвѣсть своей истинной идеальной природѣ. Вотъ въ чемъ наша каеоличность: всѣ могутъ, всѣ должны принять православное ученіе, если хотятъ быть истинно-людьми и осмыслить свою истинную человѣчность.

Теперь для насъ можетъ стать понятнымъ, какое величайшее значеніе, какую существеннѣйшую важность имѣютъ усилія православной мысли въ лицѣ святыхъ отцовъ и учителей церкви, какъ философовъ, такъ и аскетовъ, поставить христіанское ученіе въ самую тѣсную связь съ нашимъ первоначальнымъ человѣкомъ, неразрывно соединить его съ нашимъ духовнымъ возрожденіемъ и ростомъ, обнаружить его корни во внутренне-жизненной почвѣ нашего духа. Въ этомъ направленіи святоотеческой мысли затрогивается самый

нервь подлинно-православной католической вѣры. Самая діалектика, самая выпренность умозрѣнія, въ которыхъ иногда готовы упрекать древнихъ восточныхъ православныхъ отцовъ показываетъ только, что они стремились отвѣтить на запросы высшего чловѣка, на запросы духа, не обращая особеннаго вниманія на внѣшнюю житейскую убѣдительность или практичность. Святоотеческая діалектика не была формализмомъ схоластики или книжной отвлеченности позднѣйшаго протестантскаго богословія. Отъ нея такъ и вѣетъ жизнью. Но эта жизнь не та практическая жизнь, которая слышится у западныхъ церковныхъ учителей; это—высшая духовная жизнь, полная созерцанія и Богозрѣнія. Она говоритъ только духу и понятна именно ему.

Какъ сынъ православной церкви я старался своею мыслью идти по тому пути, который указанъ великими воззрѣніями древнихъ отцовъ и учителей. Было бы незаслуженнымъ счастіемъ, если бы мой незначительный трудъ хотя бы чѣмъ нибудь и въ самой малой степени подвинулъ впередъ процессъ проясненія православнаго сознанія. Моею цѣлью было по мѣрѣ силъ поставить вопросъ о бытіи Бога на католическую почву, въ самую тѣсную связь съ нормальной, первозданной природой чловѣка. Я хотѣлъ показать, какъ чловѣческій духъ неразрывно по самой природѣ связанъ съ Богомъ, необходимо Его предполагаетъ, естественно къ Нему стремится какъ къ своей жизни, все созерцаетъ въ свѣтѣ Его идеи, какъ своего собственнаго самосознанія. Насколько я сумѣлъ осуществить свое искреннее желаніе быть вѣрнымъ духу великихъ образцовъ—судить не мнѣ.

Если гдѣ можетъ и должно совершаться разъясненіе католическаго смысла православія, такъ именно среди насъ. Невозможно оставить безъ вниманія того все болѣе и болѣе выясняющагося факта, что лучшіе выразители славянскаго духа всегда мечтали и мечтаютъ о всечловѣческой культурѣ, о нашемъ вселенскомъ призваніи примирить и воссоединить въ высшемъ синтезѣ всѣ односторонности другихъ народовъ и племенъ. Узкая самоотстойчивость своего, послѣдовательное упорство односторонне, но твердо поставленной цѣли меньше всего можетъ считаться вашей племенной чертой. Наша оригинальность въ томъ, что мы стремимся пережить **всѣ**

противоположныя и чуждыя теченія жизни часто до потери всякой оригинальности; наша исключительность въ томъ, что мы ничего не хотѣли бы исключать и все хотѣли бы примирить: насъ не оставляетъ мечта жить по-божьи, по внутреннему человѣку, по совѣсти. Самая наша выдающаяся неустойчивость есть лишь знакъ того, что мы не въ силахъ остановиться ни на чемъ условномъ и все хотимъ дойти до такого начала, которое бы все собой завершило и все изъ себя разрѣшало.

Несомнѣнно справедливы тѣ, которые не видятъ никакихъ вѣскихъ и очевидныхъ доказательствъ, ни въ нашемъ племенномъ характерѣ, ни въ нашей исторіи, ни въ нашей наличной жизни, въ пользу нашей мечты и претензіи играть великую вселенскую роль. Но они не правы, когда хотятъ критикою внѣшнихъ доказательствъ поколебать вѣру въ наше вселенское призваніе. Эта вѣра и не нуждается ни въ какихъ эмпирическихъ доказательствахъ; она имѣетъ ничѣмъ непоколебимую опору въ тожъ, что мы—православны. Вѣра есть принципъ жизни какъ личной, такъ и народной. Изжить принципъ, габнетъ или каменѣетъ и жизнь. Узость и широта принципа имѣютъ полное соотвѣтствіе въ узости и широтѣ жизни. Православный принципъ—каеоличенъ, онъ волюнъ соотвѣтствуетъ идеальной природѣ человѣка, онъ носитъ въ себѣ задатки къ безконечному развитію нашего духа. Въ каеоличности нашей вѣры—высшее ручательство нашего вселенскаго значенія. Но если такъ, то мы должны сознать каеоличность православія, сдѣлать его знаменемъ своей жизни, двигающей силой нашего внутреннего развитія. Основы и догматы православной вѣры должны быть для насъ основами и догматами нашего народнаго бытія. Въ дѣйствительности такого сознанія вселенскости и жизненности православной вѣры почти совсѣмъ въ нашемъ обществѣ не существуетъ. Если православіе и выставляется иногда знаменемъ нашей народности, то чаще всего въ смыслѣ исключительности, въ смыслѣ одной изъ чертъ нашей самобытности на подобіе какихъ-либо національныхъ признаковъ нашего быта или общежитія. Еще болѣе рѣдко сознаніе жизненности православнаго ученія вѣры. Всѣ склонны думать, что церковное ученіе есть что-то далекое отъ жизни, что-

то сухое и отвлеченное, не имѣющее никакого отношенія къ нашему народному самосознанію и къ нашимъ историческимъ судьбамъ. Между тѣмъ это совершенно не такъ. Церковное ученіе будь ли то въ видѣ краткаго наставленія вѣры или въ видѣ цѣлой богословской системы, есть самое ближайшее выраженіе истинной жизни и истинныхъ потребностей нашего духа. Богословскія положенія и догматы суть только формулы того, что долженъ переживать и во что долженъ вѣровать каждый человѣкъ живущій духомъ и каждый народъ желающій жить. Православные догматы создались на вселенскихъ соборахъ въ моменты самаго высшаго просвѣтленія духа въ единствѣ Христовой любви, въ моменты высшаго озаренія св. Духомъ нашего естественнаго разумія. Все болѣе и болѣе уяснять жизненное значеніе православныхъ истинъ и православнаго богословія—великая задача нашего народа и особенно нашего времени. Только когда у насъ перестанутъ смотрѣть на богословіе какъ на пугало, и увидать въ немъ жизненную формулу потребностей духа и упованія сердца, стремящагося къ правдѣ, только когда богословская мысль станетъ въ самую родственную связь съ внутреннимъ человѣкомъ, съ его первою красотой, предощеніе которой есть у всякаго, только тогда православіе станетъ дѣйствительно знаменемъ нашей личной и народной жизни, знаменемъ подъ которое должны собраться все со всехъ концовъ земли, все кто слышитъ въ своей совѣсти призывающій голосъ Отца небеснаго и не остается глухъ къ нему.

Въ своемъ трудѣ я старался какъ можно ближе примкнуть къ жизни, старался писать только то, что подсказывала мнѣ внутренняя правда, что казалось мнѣ требуется разумомъ каждаго изъ насъ. Я нарочито не употреблялъ никакихъ ссылокъ въ такой области, гдѣ въ груди каждаго заключенъ первоисточникъ, гдѣ самосознаніе даетъ все основныя данныя для тѣхъ выводовъ, къ которымъ я пришелъ.— Успѣлъ ли я поставить изслѣдуемый мною вопросъ на жизненную почву, сдѣлалъ ли я отвѣтить на него такъ, какъ говорить внутренней человѣкъ каждому изъ насъ—соблюдать ли я при этомъ все требованія логической мысли—пусть судятъ объ этомъ мои глубокоуважаемые оппоненты.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки